

**Юрий Казаков**, сопредседатель  
Общественной коллегии по жалобам на прессу,  
к соц.н.

## «ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ»: ОКСЮМОРОН, ИЛИ...

Северо-Восток Москвы. Картинка с улицы.

Передо мной на светофоре стоит внедорожник, «4X4», на заднем стекле которого две наклейки. Справа, - такая же, как на заднем стекле моей машины. Слева незнакомая.

Такая же - знак «*Инвалид*». Мой отец, 97 лет, инвалид войны. По городу он передвигается только со мной, так что знак «Инвалид» на моём стекле – законный, не фальшивый.

Определить оправданность такого же знака на стекле «Хантера» сложно; смущает наклейка слева: силуэт человека в шлеме и разъяряющая надпись «*Осторожно! За рулём танкист*».

Наклейка слева – злая, агрессивная шутка или как бы шутка. Но само сочетание знаков – обозначение момента *когнитивного диссонанса*, психического дискомфорта человека за рулём. Но ведь и дискомфорта, задаваемого окружающим, которых таким способом попросили держаться от этой машины подальше.

Дорожную ситуацию *сведения несводимого* я вспомнил в связи с темой нашего «круглого стола».

«*Дезинформация и саморегулирование*» - *оксюморон*, напоминание и о праве журналиста на ошибку, на преувеличение или даже провокацию, которое зафиксировано во многих решениях Европейского суда по правам человека, и о *характере* и *пределе* этих самых *преувеличения* и *провокации*. И, наконец, о специфике ситуации с *как бы тоже журналистикой*, которая нас здесь собрала

С чем связана тревога, понятно: предполагается, что в основу журналистики заложена такая установка, как **честность**.

От *журналистского сообщения* ожидаются **достоверность факта** и **точность передачи мнения**, это аз профессии, за следование которому журналист отвечает именем и репутацией: собственным и своего СМИ

В основе же *дезинформации*, той *инфекции*, которой заражена сегодня достаточно значительная часть медийного контента, – то, что по определению лежит за гранью журналистики как профессии: **ложь**, **обман** как *средство достижения неких целей*.

Просмотрев массу определений в различных словарях, я убедился в двух исходных позициях любого обсуждения темы дезинформации. Простите банальность, но как без неё обойтись.

Первая позиция: речь определенно не идёт о профессиональной оплошности, связанной с недостаточной проверкой журналистом информации, например, или с его добросовестным заблуждением. Речь *не об ошибке*, на которую журналист *имеет право* (и об это обстоятельстве органы саморегулирования должны всё время помнить), а о заведомо *антижурналистском* (именно «анти»)образе действий. О *намеренном* введении в заблуждение адресата сообщения. О сознательном, осознанном создании и распространении искажённых или заведомо ложных сведений.

Вторая позиция - на деле скорее первая, поскольку исходная. Речь о *цели*, которая преследуется создателями и распространителями дезинформации – заведомо *не журналистская*. Это, как правило, *нанесение урона* тому, кто определяется в объекты обмана, манипуляции, попытки управлять поведением или представлениями. Называя вещи своими именами - политическому или иному *противнику*, *поражение* которого или

*победа над которым* должна обеспечиваться средствами *информационной войны*, одним из инструментов которой как раз и является *дезинформация*.

Не будучи специалистом в этой чужой для меня сфере, предложу вам, сверяя представления, один популярный когда-то в Яндексе демотиватор - и один скан обложек двух книг.

Демотиватор с подписью «Информационная война» - микроучебник из серии «Как это делается». Фото, на котором три человека, сформировано как триптих, поделено линейками на три части. Человек на коленях между двух вооружённых людей в форме, тоже в форме, вероятно - военнопленный. При этом тот, что слева, приставил к голове стоящего на коленях ствол автомата. А тот, что справа, даёт побеждённому напиток, пор крайней мере, держит у его рта флягу. Взятая отдельно правая часть триптиха прочитывается (поскольку мы не видим приставленного к голове ствола) как благое дело: военный помогает человеку, очевидно, измученному жаждой. Идиллия, но ведь и грубая ложь, поскольку ситуация видимых взаимоотношений этой пары вырвана из контекста. *Искажение контекста, выдёргивание из контекста* – признак дезинформации, который стоит запомнить.

Скан - это сочетание двух обложек, первая из которых расположена вверх ногами относительно второй. Готовясь к одному из семинаров, я когда-то выстроил положение обложек именно таким, чтобы подчеркнуть несовместимость предметов, которым эти книги посвящены. Книга, на обложке которой «кубик Рубика», называется «*Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы*». Это четвёртое издание сборника, содержащего большое число нормативных документов журналистских ассоциаций и организаций, от российских до международных. (Первое издание этого сборника увидело свет ещё в конце прошлого века.) На обложке другой книги – её название и крупный рисунок. Название говорящее: «*Информационное оружие – оружие современных и будущих войн*». Микрофон как глушитель на оружии убийства (таков рисунок на обложке) – образ «прекрасного нового мира» информационных войн.

Чтобы не упустить за картинками суть *противостояния*, а не просто конфликта предметов обсуждения:

*Журналистика* – это **профессия**, *саморегулирование* в которой – *форма самостояния*, обеспечивающая устойчивость и независимость, в том числе, от чрезмерного присмотра государства.

*Пропаганда*, которая использует *дезинформацию*, и всегда готова сделать шаг к *боевой спецпропаганде* – это **специальность**. Ни о какой профессиональной этике, ни о каком саморегулировании речи тут нет и быть не может. Эта *особая специальность* живёт в режиме *мобилизации*, предполагающем *приказ* и его *исполнение*.

Понятно, что *на вранье*, на *введении в заблуждение* адресатов сообщений, на распространении *искажённых или заведомо ложных сведений* ни **безопасности**, ни **сотрудничества** не выстроишь и не удержишь. Как понятно и то, что в условиях *проникновения пропаганды в журналистику*, появления и приживания дезинформации в том пространстве, которое традиционно закреплено за массовой информацией, журналистику как профессию и общественное благо, а не только доверие к ней, долго не сохранишь.

**Общественная коллегия по жалобам на прессу**, которую я представляю, - орган медийного саморегулирования, который входит в две структуры, объединяющие органы саморегулирования.

Первая, существующая с конца прошлого века, называется *Европейский альянс независимых советов прессы* (AIPCE) и включает в себя органы медийного саморегулирования 31 страны, далеко не только европейской.

Вторая – *Сеть организаций медийного саморегулирования* (СОМС), образована десять лет назад частью членов AIPCE.

СОМС объединяет органы саморегулирования семи стран с общим, советским прошлым. *Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина*, - таков нынешний состав членов СОМС, если говорить о географии.

О сложностях во взаимоотношениях значительной части названных государств пусть думают и говорят дипломаты. Моя задача – дать представление о том, *что объединяет* наши органы саморегулирования. Конкретно - показать два документа СОМС, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Суть, смысл, дух первого документа, принятого членами СОМС три года назад – в его названии: **«Журналистский долг и дезинформация не совместимы»**.

Из этого *Обращения членов Сети организации медийного саморегулирования к журналистам и редакторам* я процитирую два начальных пункта, - как наиболее важных именно для нашего «круглого стола»:

«1. Под **дезинформацией** члены СОМС в данном случае понимают осознанно создаваемый «информационный» продукт, представляющий собой как ложную информацию в чистом виде, так и смешение информации о фактах и намеренной лжи, преследующий целью введение в заблуждение как отдельного гражданина, так и общественное мнение в целом. Манипулируя сознанием, изменяя картину мира в голове человека, дезинформация, в том числе, влияет на возможность её адресата адекватно реагировать на реальные проблемы и угрозы в сфере общественной безопасности: замещая реальные угрозы ложными, опирающимися на «образ врага», сеющими недоверие и страх, разгоняющими градус интолерантности в межнациональных и межгосударственных отношениях.

2. Безусловно отделяя новости, содержащие неумышленные редакционные ошибки (misinformation) от той категории недостоверных «фейковых новостей», которые относятся к изначально фальшивым, члены СОМС обращают внимание на то, что значительная часть «фейковых новостей» не относится к безобидным, уживающимся с профессиональными журналистскими стандартами. «Фейковые новости» в сфере политики, экономики, важных аспектов общественной жизни нередко обнаруживают пропагандистскую составляющую, позволяющую делать однозначный вывод о нарушении их распространителями базовых профессиональных (именно журналистских) стандартов».

Второй документ СОМС - это **«Мнение Консультативной комиссии по противодействию пропаганде СОМС относительно обращения Комиссии по журналистской этике Украины на публикацию информационного агентства «Крым информ»**. Уточню, что представитель российской *Общественной коллегии по жалобам на прессу* в рассмотрении этой жалобы участия не принимал, поскольку адресат жалобы – российское СМИ. Уточню, что это «Мнение» Коллегия опубликовала в 8-м выпуске *«Настольной книги по медийному саморегулированию»* и выложила на свой сайт. Так что большое число российских журналистов, преподавателей журналистики, студентов факультетов и отделений журналистики различных вузов было ознакомлено с выводом Консультативной комиссии о том, что «СМИ, опубликовавшее материал, выполненный в жанре журналистского расследования, *дезинформирует читателей*, работая в логике формирования *ложных сенсаций*». И что сам материал *«Несвободные реалии. Сколько стоит Родину продать»* является *пропагандистским*, а не журналистским продуктом,

К двум документам СОМС добавлю фрагмент одного из решений самой Коллегии. Речь о решении №220 «О жалобе Ольги Вербилович в связи с опубликованием телеграм-каналом «Башня Жданова» и перепечаткой телеграм-каналом «RT на русском» сюжета, посвященного инциденту с Ниной Багинской. (Автор – Игорь Жданов, дата публикации – 26.08.2020 г.)».

Время нашего «круглого стола» не позволяет говорить подробно ни об оспоренном материале, ни о самом решении. (Кому будет интересно – найдите его на сайте Коллегии: [presscouncil.ru](http://presscouncil.ru).) Здесь я процитирую только последний абзац пункта 5 и первый абзац п.6 этого решения: «(...) Коллегия находит, что вычленив из целостного события (...) фрагмент, не позволяющий адресатам сообщения получить представление о том важном, что ему предшествовало, и, более того, снабдив своё сообщение комментарием, искажающим смысл и самого фрагмента, и события («инцидента») в целом, *автор сюжета дезинформировал* (а не *неточно информировал*) адресатов своего сообщения». «Коллегия находит сюжет, распространённый телеграм-каналом «Башня Жданова», недобросовестным, недостоверным, вводящим зрителя в заблуждение. Основанный на *манипуляции сознанием адресата*, этот сюжет содержит *прямой обман* тех, кому он был адресован».

Обращаю внимание на *технологию* производства *фальшивки* с признаками текста *достоверного*, поскольку в основе условной «реплики» автора телеграм-канала - фрагмент видеоряда без признаков монтажа.

Ситуация, какой мы её увидели: тележурналист, сотрудник государственного телеканала, в своём телеграм-канале (не в эфире своего телеканала) решает выбранными для этого средствами некую вполне политическую по характеру задачу: очернение участника протестной акции и обеление действий полиции.

Задача решается выделением «подходящего» фрагмента видеозаписи столкновения пожилой «протестантки» с полицейскими. В отобранную часть продолжительной видеозаписи не попадает завязка конфликта, позволяющая понять его суть и реальный контекст. К короткому видеоряду, выбранному эпизоду добавляется комментарий, который Коллегия оценила как «искажающий смысл» и фрагмента, и события, по поводу которого в личном телеграм-канале тележурналиста возникло конкретное сообщение. Картина обретает полноту, когда практически сходу, без *проверки* и какого-либо дополнительного комментирования сообщение воспроизводится - с многократным умножением аудитории - телеграм-каналом, аффилированным с тем государственным телеканалом, сотрудником которого и является автор «реплики».

На что обязан обратить внимание: появление слова «дезинформация» в решении Коллегии – случай редчайший. И это при том, что Коллегия много лет работает с собственным, достаточно основательным набором признаков, позволяющих отличать *журналистские тексты* (пусть и с очень большими огрехами и даже дефектами в сфере профессиональной этики) от текстов, которые мы рассматриваем как *политическую пропаганду с элементами языка вражды*: разводя таким образом *журналистику* (профессию) и *пропаганду*, временами граничащую со *спецпропагандой*.

Эти наши признаки пропаганды (политической пропаганды с элементами языка вражды) вошли в документ Сети медийного саморегулирования «*Журналистский долг и дезинформация не совместимы*»; они были процитированы также и в том Мнении Консультативной комиссии по противодействию пропаганде, на которое я ссылался.

И при всём при том, повторю сказанное, Коллегия практически *не работает* с понятием *дезинформация*, не обращается к нему. Почему так?

Причин, как минимум, четыре.

Первая уже обозначена: любой массово-информационный продукт, замешанный на *дезинформации*, изначально не может быть отнесён к *журналистским*. Вот почему, как мне представляется, ни понятия «дезинформация», ни отношения к ней нет ни в одном известном мне журналистском нормативном профессионально-этическом документе, - включая новейший из них, *Глобальную хартию журналистской этики* Международной федерации журналистов, принятую в 2019 году.

Нет (по крайней мере, до сих пор не было) этого понятия и в *Медиаэтическом стандарте*: том нормативном документе, которым руководствуется Коллегия, принимая решения по конкретным жалобам.

Сразу скажу, однако, что, учитывая новый для нас опыт, Коллегия, возможно, включит в свой Медиаэтический стандарт два упоминания о дезинформации. В пакете поправок к этому нормативному документу, начало обсуждения которому было положено на нашей последней ежегодной научно-практической конференции, заложены два взаимосвязанных пункта, содержащий слово «дезинформация». «*Журналистская деятельность несовместима с участием в информационных войнах, с дезинформацией и манипулированием информацией и сознанием адресатов СМИ*». И: «*Публикация материала, обнаруживающего признаки дезинформации, признаётся недопустимой, несовместимой с принципами и нормами журналистской профессии*». Будут ли эти поправки приняты – узнаем в начале августа, по результатам голосования членов Коллегии.

Обратив ваше внимание на словосочетание «*признаки дезинформации*» в одной из предложенных поправок, именно *отсутствие достаточно чётких критериев, непроговорённость признаков* дезинформации назову в качестве той второй причины, по которой к инфильтрирующейся, *встраиваемой* в журналистские тексты «дезе» подступиться сложнее, чем может показаться.

Причина третья, крайне серьёзная: дезинформация - продукт, в основе которого лежит *умысел*, намерение обмануть, а умысел всегда трудно доказывается.

Ну, и наконец: дезинформация – продукт, который в силу специфики его природы логичнее мерять *нормами права*, чем *профессиональной этики*.

Уточню, что, не называя дезинформацию дезинформацией, российские законы новейшего времени уже содержат такой признак правонарушения или даже преступления, как «*Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно-значимой информации под видом достоверных сообщений...*» или «*Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях **под** видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, которые...*»

Я не юрист и не буду каким-либо образом комментировать статьи Кодекса административных правонарушений (КоАП) и Уголовного кодекса РФ, которые относятся к новостям, именуемым сегодня и в России тоже «фейковыми».

С сожалением признаю: наши журналистские организации упустили время, когда нужно было начинать всерьёз заниматься феноменом распространения этой самой «*заведомо недостоверной общественно значимой информации*» как проблемой *вовлечения журналистики в информационные войны*, во-первых. А, во-вторых, как задачами

системного *противодействия* такому вовлечению, с одной стороны, и системного же *противодействия* *неправомерному* правоприменению в этой сфере, с другой.

Вернусь к вопросу о *саморегулировании* – в связи с тем феноменом активного покушения и на журналистику, и на общество, который обнаруживается в нынешнем активном проникновении пропаганды и дезинформации (как конкретного инструмента пропаганды) в поле собственно журналистское.

Что могут *органы саморегулирования*, чего от них ждать?

Мне кажется, одной из их задач становится грамотное *распознавание пропаганды и дезинформации* в тех текстах, на которые жалуются граждане, а равно и сам факт *публичной оценки* контента такого рода как текстов *не журналистских*. Т.е. институциональное, оценками и выводами органа саморегулирования *отделение журналистики от того, что ею не является* по определению.

Делать это уверенно можно только в том случае, если у тебя есть надёжные *критерии*, позволяющие отличать плевелы от зёрен. А это значит, что органам саморегулирования нужно уже сегодня – и желательно совместно с журналистами и их организациями – *вырабатывать такие критерии*.

Очень хорошо, если органы медийного саморегулирования, работающие в наших несхожих странах, поставят своей рабочей задачей *обмен представлениями о таких критериях* – или *начнут формировать* пакеты такого рода *идентификационных признаков* за круглыми столами вроде нынешнего.

Органы саморегулирования определённо должны активно обращаться к *фактчекингу*, в том числе, международному. Для этого им было бы полезно, как мне кажется, во-первых, *выстраивать собственные отношения с организациями, занимающиеся фактчекингом*. И, во-вторых, *вместе с журналистами, с заинтересованными общественными организациями, но своими средствами и способами, защищать такие организации от давления на них, в том числе (или прежде всего), со стороны тех государственных институтов, которые могут быть заинтересованы в распространении через масс-медиа той самой дезинформации*.

Я не думаю, что у органов саморегулирования есть средства и способы влияния на государства, рассматривающие информационные войны как инструмент достижения определённых целей, в том числе, в области безопасности. Но вот интенсифицировать работу с журналистами, вовлекаемыми различными путями и способами в информационные войны, с теми же общественными организациями они могут: в том числе, принимая *сильные решения, разъясняя их журналистам и представителям журналистских союзов и ассоциаций, вырабатывая свои рекомендации*. И *не уклоняясь от публичных дискуссий*, связанных, в том числе, с качеством этих самых решений или рекомендаций.

И последняя реплика, в известной мере - личная. На профессионально-этических семинарах с журналистами я нередко обращаюсь к известным выводам исследования так называемой *Комиссии Хатчинса (США) «Свободная и ответственная пресса»*, к тем базовым функциям прессы, которые в прописаны в этом замечательном документе. Напомню здесь его первую позицию: *свободная и ответственная пресса обязана «предоставлять правдивый, полный и понятный отчёт о текущих событиях в том контексте, в котором они приобретают смысл»*.

*Личной* я назвал эту реплику потому, что родился в том самом 1947 году, когда формула «правдивый, полный и понятный отчёт о текущих событиях» стала достоянием журналистов и адресатов их недолго живущих посланий.

В том же 1947 году американские физики-ядерщики нашли яркий образ новейшего времени: «*Часы судного дня*»: то символическое положение стрелок относительно полуночи, ядерного апокалипсиса, которым ученые американского журнала «Бюллетень учёных-атомщиков» (Bulletin of Atomic Scientists) вот уже восьмое десятилетие оценивают градус международной напряженности, степень угрозы мирового ядерного конфликта.

Говоря о международной напряжённости, об угрозах безопасности будем всё время помнить о том, какое бремя ответственности ложится на прессу, хотя бы на день забывающую о задаче «предоставлять правдивый, полный и понятный отчёт о текущих событиях в том контексте, в котором они приобретают смысл».

Не уставать напоминать о том, что журналист, отворачивающийся от этики, перестаёт быть профессионалом – едва ли не основная задача органов саморегулирования во все времена. Тем более – в наши нынешние, «инфodemийные», с их заведомо более лёгким «пробиванием» обществ, групп граждан, семей, конкретных людей *дезинформацией*. Не производимой, но ведь распространяемой – пусть даже невольно - СМИ и журналистами.